

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 770–796, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.22, 623.445

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи»

Леонид Александрович Бобров¹, Алексей Михайлович Пастухов²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

инженер лаборатории гуманитарных исследований

 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бобров Л. А., Пастухов А. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен *цзюань* 41 цинского источника второй половины XVIII в. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (ЦХСТ), посвященный вооружению и военной символике ойратского населения Джунгарского государства. Данный раздел ЦХСТ ранее не переводился на русский язык и не становился объектом отдельного научного исследования. *Цель исследования* — изучить и ввести в научный оборот сведения *цзюаня* 41 ЦХСТ, касающиеся вооружения и знамен джунгар. *Результаты.* Рассматриваемое сочинение было составлено по инициативе императора Цяньлуна по результатам присоединения к Цинской империи территории Джунгарского государства. Для изучения новых земель была направлена группа цинских чиновников и европейских специалистов. Основные исследовательские работы в Джунгарии были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана завершилось весной 1759 г. В том же году началась работа над текстом, которая продолжалась, с перерывами, на протяжении 23 лет (1759–1782). В числе прочих в работе над произведением приняли участие маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии. В источнике описаны джунгарское оружие дистанционного и ближнего боя, доспехи, а также два типа джунгарских знамен. Описание каждого предмета сопровождается транскрипцией его оригинального названия. В некоторых случаях указываются материал изготовления и основные типовые размеры. Сопоставление данных ЦХСТ с подлинными образцами джунгарского вооружения и изобразительными материалами показало, что имперские чиновники весьма достоверно описали особенности их конструкции и оформления. Некоторые сведения источника являются уникальными и не встречаются в других произведениях XVIII в. Особое значение материалы ЦХСТ имеют для атрибуции различных видов вооружения, упомянутых

в монголоязычных источниках XVII–XVIII вв., а также монгольском и ойратском эпосе. Цинские авторы соотнесли оригинальные названия оружия и доспехов ойратов с их конструктивными особенностями, что открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменных произведений и эпоса населения Центральной Азии. *Выводы.* Проведенный анализ показал, что ЦХСТ является наиболее ценным и подробным цинским письменным источником по вооружению и знаменам джунгар середины XVIII в., выявленным и вводимым в научный оборот к настоящему времени.

Ключевые слова: «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», Джунгария, оружие джунгар, доспехи джунгар, джунгарские знамена

Благодарность. Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Weapons and Banners of Dzungaria's Oirats, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*

Leonid A. Bobrov¹, Alexey M. Pastukhov²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Engineer, Humanities Research Laboratory

 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinese warfare@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bobrov L. A., Pastukhov A. M., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” (QHXT), the Qing source of the second half of the 18th century, namely its chapter (*juan*) 41 devoted to the weapons and military symbols of the Oirats of the Dzungarian state (1635–1758). The chapter in question has not been translated into Russian, neither has it been the subject of a special study so far. The *aim* of the present article is to introduce the evidence of this part of the Qing source on the weapons and banners of the Dzungars. *Results.* The compilation of the document was initiated by Emperor Qianlong after the territory of the Dzungar state was annexed to the Qing Empire. A group of Qing officials and of European specialists was sent to explore the newly acquired lands. The work in Dzungaria was largely carried out in 1756–1757, while the study of East Turkestan was completed in the spring of 1759. The work on the text itself began the same year to continue for about 23 years (1759–1782). Manchu military leaders who participated in the war in Central Asia took part, among others, in the compilation of the document. The source includes descriptions of Dzungarian weapons for distant and close combat, armor, and two types of Dzungarian banners. Each item is supplied with description and transcription of its original name. In some cases, the material used for their manufacture and typical sizes are indicated. The data of the written source under study compared with authentic samples of Dzungar weapons and pertaining visual materials has shown that the Qing officials described the features of their construction and decoration with high degree of reliability. Some of this information is unique and can be found in no other sources of the period. The data of the source is of special relevance for attributing various types of weaponry cited in Mongolian sources of the 17th–18th cc., as well as in the Mongolian and Oirat epics. The Qing authors made comparisons of the original names of the Dzungar weapons and armor with their construction features, which opens new avenues for elaborate studies of written works and epics of Central Asian populations. *Conclusion.* The analysis undertaken in the present article has shown that to date QHST is the most valuable and detailed Qing written source on the weapons and banners of the Dzungars of the middle of the 18th century.

Keywords: “Qingding Huangyu Xiyu tuzhi”, Dzungaria, Dzungar weapons, Dzungar armor, Dzungar banners

Acknowledgements. The reported study was funded by state assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapons and Banners of Dzungaria’s Oirats, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 770–796. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Введение

Одним из важных направлений в деле изучения военно-культурного наследия ойратов является введение в научный оборот ранее неизвестных широкому кругу специалистов материалов о вооружении и военной символике джунгар, содержащихся в цинских письменных источниках конца XVII–XVIII вв. Важнейшим из них является «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (далее — «Сиюй тучжи»)¹, в текст которого цинскими авторами были помещены наиболее подробные сведения по интересующей нас тематике [Бобров, Пастухов 2021].

В историографической перспективе материалы «Сиюй тучжи» неоднократно использовались исследователями при изучении истории народов «Западного края» первой половины – середины XVIII в. Однако различные сведения, содержащиеся в указанном сочинении, привлекались весьма неравномерно. Так, например, если данные по общественно-административному устройству и экономике Джунгарии активно анализировались и публиковались в научных статьях и монографиях, то некоторые другие разделы «Сиюй тучжи» долгое время не становились объектом научного исследования. К их числу относятся и сведения об оружии, доспехах и знаменах ойратского населения Центральной Азии.

Начало создания «Сиюй тучжи» было непосредственно связано с присоединением к Цинской империи обширных территорий Джунгарского государства во второй половине 50-х гг. XVIII в. Для повышения эффективности управления новыми землями следовало составить географические карты,

¹ Данный сокращенный вариант названия подтверждается его упоминанием в императорских указах, а определение *Циньдин* (высочайше утвержденный) этот труд получил в 1782 г.

зафиксировать новые границы империи, а также разобраться в особенностях общественно-административного устройства Джунгарии, истории, в материальной и духовной культуре местного монголо- и тюркоязычного населения, генеалогии местной аристократии и т. д. В числе прочих вопросов маньчжурские власти интересовало вооружение и военное дело джунгар, которые более полувека противостояли Цинской империи в Центральной Азии.

Главным инициатором создания «Сиюй тучжи» был сам император Цяньлун (годы правления 1735–1796). Анализ источников показал, что 25 марта 1755 г. (т. е. еще до захвата цинскими войсками долины р. Или — политического центра Джунгарии) правитель Поднебесной издал указ, в котором предписывал своим военачальникам исследовать присоединяемые территории. Уже 19 июля 1755 г. император утвердил руководителей исследовательской экспедиции. В ее состав были включены, как высокопоставленные цинские чиновники, так и европейские специалисты. Основные работы в Джунгарии были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана завершилось весной 1759 г. В том же году началась работа над текстом, которая продолжалась, с перерывами, на протяжении около 23 лет (1759–1782). В числе прочих, над произведением трудились маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии: Агуй, Чжаохуй, Шухэдэ, которые принимали непосредственное участие в сражениях с ойратами Джунгарии и мусульманами Восточного Туркестана. Снабженное географическими картами, ксилографическое издание «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» было опубликовано в 1782 г. [ЦХСТ 1782].

Давая оценку «Сиюй тучжи» как историческому источнику, следует отметить, что это самое масштабное, разностороннее и подробное исследование, посвященное Центральной Азии, среди всех китайских произведений, датированных эпохой Древности, Средневековья и раннего Нового времени. В значительной степени это обусловлено особым отношением к данной работе со стороны императора Цяньлуна. Правитель Поднебесной лично контролировал процесс составления текста, а также утверждал кадровый состав руководства комиссий, занимавшихся подготовкой произведения.

Особое внимание при этом уделялось достоверности собираемых сведений. Значительная часть информации была получена непосредственно от представителей местного населения, в том числе ойратских и тюркских феодалов хорошо знакомых со спецификой подчиненных им земель. Это было сделано в 1756–1759 гг., т. е. практически сразу после включения Джунгарии и Восточного Туркестана в состав Цинского государства, когда воспоминания о суверенном периоде существования «Последней кочевой империи» были еще свежи. Собранные данные проверялись и уточнялись цинскими военными и гражданскими чиновниками [Бобров, Пастухов 2021: 510–517].

Указанные факты свидетельствуют в пользу высокой научной ценности «Сиюй тучжи» как источника по истории и этнографии Джунгарии и Восточного Туркестана первой половины – середины XVIII в. Однако необходимо учитывать, что указанное сочинение представляет собой сложное многоплановое произведение, в котором актуальная информация с мест перемежается вставками из более ранних китайских исторических хроник, а также иными материалами.

Основная часть сведений по вооружению и военной символике ойратов Джунгарии сгруппирована авторами «Сиюй тучжи» в рамках специального подраздела «Вооружение» (кит. *Гунчжань чжи цзюй*)² в *цзюане* 41. Кроме того, отдельные данные, касающиеся оружейного производства, во-

енного дела джунгар, разбросаны по другим подразделам и главам исследуемого источника.

Цель исследования — изучить и ввести в научный оборот сведения *цзюаня* 41 «Сиюй тучжи», касающиеся вооружения и знамен ойратов Джунгарии. Данный раздел сочинения ранее не переводился на русский язык и не становился объектом отдельного научного исследования³. Вместе с тем указанные материалы представляют значительный интерес для археологов, военных историков, оружейников, этнографов, занимающихся изучением военно-культурного наследия народов Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Материалы и методы

Главным методологическим основанием оружейных исследований являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение) [Бобров, Ожередов 2021: 12].

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов [Бобров, Ожередов 2021: 12].

Особую ценность для темы нашего исследования представляют сообщаемые авторами «Сиюй тучжи» сведения о линейных размерах предметов вооружения и военной символики джунгар. При переводе в метрические единицы показателей длины нами использованы расчеты У Чэнло, согласно

³ По информации, доступной авторам, указанный *цзюань* ранее не был переведен и на английский язык. Исключением является короткий пассаж про размеры джунгарского огнестрельного оружия, опубликованный в «History of Civilizations of Central Asia» [History of Civilizations... 2003: 166].

² Букв. ‘Утварь, [чтобы идти] в наступательный бой’.

которым в эпоху Цин 1 *чжан* составлял 3,2 м, 1 *бу* — 1,6 м, 1 *чи* — 32 см, 1 *цунь* — 3,2 см, 1 *фэнь* — 0,32 см [Школяр 1980: 358; Бобров, Пастухов 2021: 508, 509].

Особо подчеркнем, что в «Сиюй тучжи» приведены усредненные (типовые) размеры предметов центральноазиатского вооружения. Сомнительно, чтобы члены цинских экспедиций и комиссий целенаправленно проводили замеры значительного количества джунгарского оружия, а затем на основе представительной выборки вычисляли их средние размеры. Последние, скорее всего, устанавливались «на глазок» в ходе осмотра захваченных военных трофеев. Именно эта условная величина и заносилась в документ. Но даже с этой поправкой сообщаемые сведения представляют исключительный научный интерес, поскольку они не имеют аналогов среди других письменных источников рассматриваемого периода.

Сведения цзюаня 41 «Сиюй тучжи» о вооружении и военной символике джунгар середины XVIII в.

О некоторых структурных и содержательных особенностях цзюаня 41 «Сиюй тучжи»

В тексте «Сиюй тучжи» каждому предмету вооружения, снаряжения и военной символики посвящен отдельный абзац, в котором читателю сообщаются сведения об оригинальном названии соответствующего предмета. Затем следует его краткое описание. В некоторых случаях составители «Сиюй тучжи» сравнивают ойратское или мусульманское вооружение с цинскими аналогами, отмечая их сходство и (или) различие в оформлении и конструкции, указывают материал изготовления, а также сообщают основные типовые размеры рассматриваемых предметов.

Представленные нами переводы соответствующих пассажей «Сиюй тучжи»⁴ снабжены развернутыми комментариями, которые были подготовлены авторами настоящего исследования на основе сопоставления сведений «Сиюй тучжи» с другими письменными, а также вещественными

⁴ Для облегчения восприятия оригинальный текст «Сиюй тучжи» выделен курсивом. Перевод с китайского языка выполнен А. М. Пастуховым по ксилографическому изданию памятника, опубликованному в сканированном виде на сайте ctext.org [ЦХСТ 1782].

и изобразительными источниками XVII–XVIII вв. Подобный подход позволяет оценить степень достоверности сообщений цинских чиновников, что имеет важное значение для определения научной ценности «Сиюй тучжи» в деле изучения вооружения джунгар и их соседей первой половины и середины XVIII в.

Помимо основной информации с описанием вооружения и военной символики ойратов, в текст «Сиюй тучжи» вставлены стихотворения императора Цяньлуна, посвященные «мечу [варваров] фань» (*фаньцзян*), захваченному у Ходжи Джахана, «доспехам [варваров] фань» (*фаньцзян*), «мусульманскому мечу» (*хуйцзянь*), «мусульманскому стягу» (*хуйду*) и др. Данные стихотворные вставки будут переведены и проанализированы в рамках специального научного исследования.

Стилистика сообщаемых в «Сиюй тучжи» сведений дает основание предположить, что описания предметов вооружения и военной символики могли дополняться в рассматриваемом произведении их изображениями. Однако соответствующий иллюстративный ряд в известных нам цинских изданиях «Сиюй тучжи» пока не обнаружен.

Следует отметить, что китайская транскрипция слов монгольских и тюркских языков отличается некоторой спецификой за счет практически полного отсутствия закрытых слогов за исключением слогов, заканчивающихся на звук «-н»/«-нь». Также в китайском языке нет, как такового, звука «р», который заменяется различными открытыми слогами, начинающимися со звука «л» или же слогом «эр». Кроме того, в современной фонетике некоторых монгольских языков произошли определенные изменения, которые необходимо учитывать при реконструкции первоначальной фонетики транскрибируемого термина. В связи с этим точность китайской транскрипции ойратских слов может варьироваться, отражая не только технические особенности процесса транскрибирования, но и нормы произношения XVIII в.

Перевод цзюаня 41 «Сиюй тучжи» о вооружении и военной символике джунгар середины XVIII в.

Цзюань 41. Одежда и утварь 1. Джунгары (Чжуньгаэр бу)... Вооружение (Гунчжань чжи цзюй).

«Илэду (伊勒都). Это сабля/палаши (кит. дао 刀). По форме [она] как и те, что [делают] во внутренних землях⁵, только у рукояти из железа сделан упор, [расходящийся] на обе стороны вместо хушоу⁶» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Очевидно, что «илэду» — это достаточно точная китайская иероглифическая транскрипция монгольязычного названия длинноклинкового оружия (монг. *илд* [БАМРС, 2 2001: 269], *ildü* [Гедеева 2015: 157]; калм. *үлд* [КлРС 1977: 549]).

Значительный интерес представляет тот факт, что термин *илд* в отечественной историографии традиционно переводится как «меч», т. е. оружие с прямым двулезвийным клинком. Однако в тексте «Сиюй тучжи» термин *илэду* (*илд*) уверенно соотносится с однолезвийными *дао* (刀).

В иероглифическом словаре «Канси цзыдянь» (康熙字典), составленном по повелению императора Канси в 1716 г.⁷, отмечается, что ««внешне *дао* [имеет] обух и лезвие»⁸, т. е. представляет собой разновидность однолезвийного оружия, но отнюдь не меча. В тексте уложения «Хуанчао лица туши» [ХЛТ 2004], работа над которым велась параллельно с «Сиюй тучжи», имеются многочисленные описания длинноклинкового оружия, обозначенного словами, включающими родовую морфему *-дао*. Это либо сабли и палаши, либо древковое оружие типа *яньюэдао*⁹ и т. п., т. е. исключительно однолезвийное оружие [ХЛТ 2004: 699, 701–704, 710, 711, 714–720]. Ни

⁵ Внутренние земли (кит. *нэйди* 内地) — употребительное в старых текстах обозначение собственно Китая, т. е. территории к югу от Великой Китайской стены.

⁶ *Хушоу*, также *паньхушоу* (букв. ‘защита руки / диск, защищающий руку’) — традиционное обозначение круглой гарды в виде диска. Гарды подобного типа более известны отечественным оружиеведам под японским названием *цуба*.

⁷ В XVIII–XIX вв. данный словарь считался наиболее авторитетным компендиумом иероглифических знаков, вобравшим в себя как древние, так и синхронные ему толкования.

⁸ См.: [Канси цзыдянь].

⁹ *Яньюэдао* — разновидность рубящего оружия, представляющего собой более или менее изогнутый однолезвийный клинок на деревянном древке. Китайский аналог европейской *глезфы*, сибирской *пальмы*, японской *нагинаты*.

в одном случае слово *дао* не используется в этом источнике для обозначения обоюдоострого оружия типа меча, для которого применяется другой специальный иероглиф — *цзянь* (劍).

Подобная атрибуция термина *дао* сохранилась в китайском оружиеведении вплоть до настоящего времени. Например, в специальном словаре «Чжунго гудай цию да цыдянь. Бинци, синцзюй» («Большой словарь материальной культуры Китая прошедших эпох. Оружие, орудия наказания») *дао* определяется как «рубящее оружие с лезвием вдоль одной из сторон» [ЧГЦЦ 2002: 67]. Таким образом, традиционная атрибуция *илд* как обоюдоострого меча, как минимум, не является единственно возможной.

Весьма характерно, что цинские авторы не видят особой разницы между джунгарскими и цинскими клинками, а в качестве главного отличия *илэду* называют использование вместо традиционной для Восточной Азии дисковидной гарды-*хушоу* так называемых «упоров [расходящихся] на обе стороны». Под ними легко угадывается типичная для мусульманского Востока (и некоторых других территорий) крестообразная, удлиненно-ромбическая или фигурная гарда, крестовина которой располагалась перпендикулярно по отношению к клинку и рукояти¹⁰.

Действительно, среди вещественных и иконографических материалов встречаются как подлинные образцы, так и изображения длинноклинкового оружия ойратов и их южносибирских вассалов с крестообразной гардой [Бобров, Худяков 2008: 281, рис. 88, 3, 4, 293, рис. 92, 4; Armaments and Military 2008: 142]¹¹.

Однако наряду с ними джунгарами использовались и прямые однолезвийные палаши, а также сабли с дисковидной гар-

¹⁰ В археологических работах для обозначения подобной разновидности гард часто используется термин «перекрестье».

¹¹ С территорий Северо-Западного Китая и Монголии (расположенных по соседству с Джунгарией и Восточным Туркестаном) происходит серия однолезвийных палашей (*чжибэй-дао*) XVII–XIX вв. с фигурными гардами, перпендикулярными рукояти [Смертельная красота... 2015: 328, 329, 331]. Весьма вероятно, что подобное оружие было известно джунгарским воинам и могло учитываться составителями «Сиюй тучжи» в рамках категории длинноклинкового оружия, обозначенного как *илэду*.

дой. Это дает основание предположить, что составителей рассматриваемого цинского источника интересовали, в первую очередь, оригинальные центральноазиатские образцы вооружения, отличавшиеся по своей конструкции и оформлению от типовых имперских аналогов.

В целом описание «Сиюй тучжи» позволяет предположить, что под термином *илд* в Джунгарии середины XVIII в. обычно подразумевался не меч, как считалось ранее, а длинноклинковое однолезвийное оружие — палаш или слабоизогнутая сабля. Последний вариант дополнительно подтверждается тем, что самым распространенным клинковым оружием цинской конницы были именно слабоизогнутые сабли, а авторы «Сиюй тучжи» подчеркивают главным образом лишь различия маньчжурских и джунгарских гард, отмечая при этом сходство клинков: «по форме [илэду] как ... те, что [делают] во внутренних землях»¹².

Косвенным подтверждением атрибуции *илд* как сабли является сообщение османского путешественника Эвлия Челеби, посетившего калмыцкие кочевья в конце 1666 – начале 1667 гг. Среди прочих «употребительных слов» ойратов он упоминает термин *улды* (т. е. *илд*), который был пере-

¹² Основной разновидностью длинноклинкового оружия Восьмизнаменных войск и войск Зеленого знамени Цинской империи были сабли, традиционно обозначаемые в современном оружьеведении как *яньмаодао* и *люедао*. Отличительной особенностью *яньмаодао* (досл. ‘гусиное перо’) являлся широкий массивный клинок, незначительный изгиб которого начинался лишь в последней трети сабельной полосы. В свою очередь, плавный изгиб клинка *люедао* (досл. ‘ивовый лист’) можно наблюдать уже в конце первой или начале второй трети клинка. Все основные разновидности цинских сабель снабжались дисковидными гардами-*хушоу*. Палаша с дисковидной гардой практически не применялись в Восьмизнаменных войсках и китайских отрядах Зеленого знамени, но использовались воинами халхасских и тибетских ополчений. Однако такое оружие было слабо знакомо китайским жителям Поднебесной — основным читателям «Сиюй тучжи». Это позволяет предположить, что под *илэду* в данном цинском произведении понимались, в первую очередь, привычные для китайского населения слабоизогнутые сабли, но снабжённые экзотической для дальневосточного региона крестообразной гардой.

веден в русскоязычном издании 1979 г. как ‘меч, сабля’ [Челеби 1979: 176]. Однако в турецком издании книги Э. Челеби в качестве османского эквивалента термина «*üldi*» указано «*kiliç*». В эпоху позднего Средневековья и Нового времени данный термин использовался тюркоязычным населением Евразии как родовое понятие длинноклинкового оружия вообще. Однако в узком значении он обозначал именно саблю.

Возникает закономерный вопрос: когда термин *илд* стал широко использоваться для обозначения меча? Наиболее вероятно, что это произошло в период постепенного вытеснения традиционных видов вооружения из военного обихода монголоязычных кочевников, когда границы между различными видами и типами клинкового оружия стали постепенно стираться. Вероятно, этому мог способствовать тот факт, что термином *илд* первоначально могли обозначаться как сабля, так и палаш с прямым однолезвийным клинком, который визуальным напоминал двулезвийный клинок меча¹³.

«*Цзида* (濟達). Это копье (кит. *цян* 鎗). Те, которые длинные, — примерно 1 чжан 2–3 чи [в длину] (около 3,8–4,1 м. — Л. Б., А. П.), а которые короткие — в длину не менее 1 чжан (от 3,2 м. — Л. Б., А. П.). Для наконечника (кит. *тоу* 鐵) берут чистую сталь (кит. *чуньган* 純鋼) и делают в длину около 6–7 цунь (около 19–22 см. — Л. Б., А. П.) с обеих сторон древка. Обматывают [древко] конской гривой и из верблюжьей шерсти делают шарик (кит. *цю* 毬), [который] привязывают посередине древка немного ближе к одному из концов, пронизывая через отверстие. Привязывают [к древку] кожаные ремни, чтобы было легче нести [оружие] при скачке» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Составители «Сиюй тучжи» сумели достаточно точно передать название ойратского колющего длиннотеревкового оружия — «цзида» (от монг. *жад* [БАМРС, 2001: 155], *žida* [Дыбо 2015: 221]; калм. *жид*

¹³ Характерно в данной связи, что в современном языке синьцзянских ойратов уже не наблюдается четкого разделения терминов традиционного вооружения: так, словом *үлде* (*үлдү*) может обозначаться и меч, и сабля [Тодаева 2001: 366]. То же самое наблюдается и в отношении слова *селме*, которым могут называть, как меч, так и саблю [Тодаева 2001: 293].

[КлРС 1977: 226]), синьцзян.-ойрат. *жиде* [Тодаева 2001: 142])¹⁴.

Высокую ценность для нашего исследования представляют сведения о размерах ойратских копий и пик, сообщаемые цинскими авторами, которые делят ойратское длиннодревковое оружие на «длинное» (около 3,8–4,1 м) и «короткое» (от 3,2 м). Отметим, что даже самые короткие варианты ойратских копий превышают в длину три метра, т. е. они сопоставимы с самыми длинными вариантами пик, применявшихся русскими казаками и кавалеристами регулярных частей российской армии XVIII–XIX вв.¹⁵ Эти данные хорошо коррелируют с сообщениями современников о том, что пики кочевников были значительно длиннее своих казачьих аналогов [Бобров 2014: 123, 124, 131].

Весьма вероятно, что и ойратские пики длиной более четырех метров не являются фантазией цинских авторов. Во всяком случае русский посол капитан И. Унковский, посетивший Джунгарию в 1722–1723 гг., упоминает джунгарские «копья» еще большей длины: «...Оружие у них луки, *копья* длиною 7½ аршин (около 5,3–5,4 м. — Л. Б., А. П.), и много имеют пищалей, токмо все с *жаграми*¹⁶, и сабли имеют» [Веселовский 1887: 194]¹⁷.

¹⁴ Следует принять во внимание, что в кириллическом алфавите, используемом при записи монгольских и ойратских слов, буквы «ж» и «жж» означают звук «дж», а буква «з» — звук «дз».

¹⁵ Для сравнения: общая длина казачьих пик первой трети XIX в. обычно составляла 2,8–2,85 м, казачья пика образца 1839 г. имела длину около 3,4 м, кавалерийская пика образца 1843 г. — от 2,84 до 3,2 м, образца 1862 г. — 2,76 м и т. д. [Кулинский 1994: 135–139].

¹⁶ *Жагра* — русское название серпентина фитильного ружья.

¹⁷ Первым российским императором Петром I (1682–1725) был введен аршин, равный 71,12 см, который был окончательно утверждён в качестве стандартного только в царствование императора Александра I (1801–1825). Однако при царе Алексее Михайловиче (1645–1676) был также введён «указной» аршин длиной в 71,776 см, который использовался параллельно с аршином Петра I весь XVIII в. и в начале XIX в. Таким образом, длина джунгарского копья, в зависимости от разновидности аршина, могла составлять от 533,4 до 538,32 см. При этом следует учитывать, что в Джунгарии, по

К сожалению, целые древки джунгарских пик пока не обнаружены, однако цинские изобразительные материалы (в том числе прижизненные портреты ойратских полководцев на цинской службе, отличающиеся высокой степенью достоверности в передаче деталей) подтверждают наличие у ойратов копий длиной около 3–4 м.

Дополнительным косвенным аргументом в пользу возможности использования подобного оружия является цинское копьё с *отрезом*¹⁸ для воинов отряда *Цзяньжуйин*¹⁹, выполненное, возможно, в подражание центральноазиатским аналогам и достигавшее в длину 3,296 м, что практически в точности соответствует длине «короткого» джунгарского копья в тексте «Сиюй тучжи» (от 3,2 м) [Бобров 2013: 193].

Согласно «Хуанчао лица туши», копьё китайских войск Зеленого знамени²⁰ (также всей видимости, не имелось четко установленных стандартов размеров копья, а измерения были проведены И. Унковским приблизительно, «на глазок».

¹⁸ *Отрез* — заточенный прямой клинок удлинённо-прямоугольной или удлинённо-трапециевидной формы, крепившийся встык к древку копья или пики. Служил для защиты древка от ударов противника, а также не позволял вражескому воину перехватить рукой древко пики и отклонить колющий удар копья (с этим связано оригинальное название-*отрез*, данное ему российскими казаками XVIII в.). В случае необходимости *отрез* мог также использоваться для нанесения рубящих ударов. В военной практике народов Великой степи пики с *отрезами* продолжали применяться вплоть до второй половины XIX в. [Бобров 2013: 184–195].

¹⁹ По данным Н. Я. Бичурина, отряд *Цзяньжуйин* (ошибочно именуемый им *Жуй-цзя-ин*) представлял собой своего рода спецназ, способный действовать в отрыве от основных сил и выполнять различные боевые задачи вплоть до штурма крепостей. Численность отряда, созданного в июле 1748 г. в ходе войны с горными племенами Цзиньчуани, была невелика — всего 4 000 чел., в том числе 200 командиров и 3 800 рядовых бойцов [Бичурин 2002: 207].

²⁰ Несмотря на то, что данное копьё предназначалось для китайских подразделений цинских войск, оно применялось также латниками «[войска] Восьми знамен» (кит. *Бацзи* 八旗). Последнее представляло собой основу вооружённых сил чжурчжэньского государства Поздняя Цзинь (с 1636 г. — Цинской империи)

снабженное *отрезом* предположительно центральноазиатского образца) достигало в длину 4,78 м [ХЛТ 2004: 727], что близко по размерам к пятиметровому копыю из сообщения И. Унковского. Наконец, пика длиной в «три сажени и аршин (*дэлим*)», т. е. примерно 5,5 м, упоминается в монгольском законе 1718 г.²¹

Определенный интерес представляет замечание авторов «Сиюй тучжи» о двух наконечниках-*тоу* из «чистой стали», которые насаживались «с обеих сторон древка». Речь идет о собственно стальном наконечнике и коническом подтоке, который насаживался на пяту копия или пики. Наличие подтоков на джунгарском длиннодревковом оружии подтверждается цинскими изобразительными материалами (рис. 1, 1).

Находки конических и копьевидных подтоков происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири [Худяков 1980: 53, табл. X, рис. 4, 8; LaRocca 2006: 179, fig. 82; Бобров, Худяков 2008: 298, рис. 93, 4].

При этом некоторые образцы центральноазиатских и южносибирских наконечников, действительно, имеют длину в 19–22 см. Однако основная масса наконечников (как и их цинские аналоги) имеют

вплоть до середины XIX в. Войска Поздней Цзинь состояли из восьми «знаменных корпусов» (маньчж. *гуса*, кит. *гушань* 固山), каждому из которых было даровано знамя определенной расцветки. Позднее число корпусов возросло до 24 — к восьми чжурчжэньским (маньчжурским) *гуса* добавились восемь монгольских и восемь китайских «знамен». Однако первоначальное название — «Восемь знамен» — сохранилось. «Войсками Зеленого знамени» (кит. *Люйци* 綠旗, *Люйинбин* 綠營兵) называлась часть вооруженных сил Цинской империи, набранная преимущественно из китайцев, не включенных в состав привилегированных китайских корпусов Восьми знамен (кит. *ханьцзюнь Бацзи* 漢軍八旗) [Бобров, Худяков 2003: 127, 128; Непомнин 2005: 104, 105].

²¹ Монгольская сажень (*алд*) равнялась расстоянию между двумя разведенными в сторону руками. Исходя из перевода монгольского выражения *таван алд урга* (укрюк в 5 *алд*) как «восемиметровый укрюк», можно вычислить длину *алд* — ок. 1,6 м [БАМРС, 1 2001: 73]. Аршин (*дэлим* — от *дэлих* ‘натягивать лук до отказа’) составлял, таким образом, около 60 см [БАМРС, 2 2001: 107].

значительно большие размеры [Бобров, Худяков 2008: 297–308].

Не исключено, что цинские авторы «Сиюй тучжи» указали не общую длину всего наконечника «цзида», а лишь длину его пера.

Таким образом, приведенные в «Сиюй тучжи» сведения о средних размерах ойратских пик (общая длина — около 3,2–4,1 м, при длине наконечника или его пера около 18–21 см) следует признать достоверными. Однако это не означает, что ойратами не могли использоваться образцы длиннодревкового оружия как меньшего, так и большего размера.

В приведенном выше описании «цзида» указывается, что джунгары «обматывают [древко] конской гривой». По всей видимости, речь идет об обмотке конским волосом верхней части древка под наконечником и *отрезом*. Подобная обмотка упомянута в «Хуанчао лица туши» при описании копия отряда *Цзяньжуйин*: «Под ним (*отрезом*. — Л. Б., А. П.) дерево обмотано по кругу красным и черным конским волосом» [Бобров 2013: 193].

Судя по изображению копия в «Хуанчао лица туши» и портрету ойратского полководца Аюши на цинской службе (рис. 1, 2), подобная обмотка могла покрывать всю верхнюю часть пики от нижнего края втулки наконечника до нижнего края *отреза* (достигавшего в длину 44,8 см), а иногда и ниже [Бобров 2013: 186, рис. 1, 16]. Не исключено, что плотная волосая обмотка использовалась не только для украшения оружия, но и для усиления верхней части деревянного древка пики, которое традиционно являлось главным объектом атаки для рубящего оружия противника [Бобров 2013: 190, рис. 5, 191, рис. 8, 192, рис. 9].

В приведенном выше тексте «Сиюй тучжи» отмечается, что жители описываемого региона «... из верблюжьей шерсти делают шарик, [который] привязывают посередине древка немного ближе к одному из концов, пронизывая через отверстие» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. По всей видимости, речь идет о какой-то разновидности копейного значка (предположительно небольшого волосяного бунчука), форма и система подвеса которого отличались от цинских аналогов²².

²² В середине XVIII в. длиннодревковое оружие цинских воинов могло украшаться под наконечником волосяными кистями различных

1.1

1.2

Рис. 1. Конный портрет «Хар-баатара» Аюши — ойратского военачальника на службе Цинской империи (картина художника Дж. Кастильоне (Лан Шинина) «Аюши с копьем уничтожает мятежников» написана между 1760 и 1766 гг.). Музей Гугун, г. Тайбэй, о. Тайвань

[*Fig. 1.* Equestrian portrait of Khara Baatar Ayushi — Oirat warlord in the Qing service (painting by G. Castiglione (Lang Shining) titled 'Ayushi Holding a Spear to Eradicate Rebels', created circa in 1760–1766). National Palace Museum, Taipei, Taiwan]

На портрете ойратского офицера на цинской службе Аюши, где пика показана наиболее детально, в верхнюю часть древка вставлена пара металлических колец или иных фиксаторов округлой формы, к которым подвешены миниатюрные волосяные кисточки (рис. 1, 2). Судя по другим изображениям, подобные украшения были весьма характерны для ойратского длиннодревкового оружия²³. Они также присутствуют и на копье отряда *Цзяньжуйин* [Бобров 2013: 186, рис. 1, 16].

Возможно, именно об этом копейном значке и идет речь в тексте «Сиюй тучжи». Вставлявшиеся в древко стержни колец, действительно, «пронизывали» его «через отверстия», а короткие миниатюрные кисточки (отличавшиеся от более длинных и широких цинских кистей, крепившихся непосредственно под наконечником) могли напомнить маньчжурским авторам волосяные «шарики». Однако не исключено, что под «шариком из шерсти» может скрываться и другая разновидность волосяного бунчука, который охватывал древко пика или копья наподобие околыша меховой шапки или уплощенного шара. Подобные украшения, выполненные преимущественно из шерсти яка, встречаются на тибетском длиннодревковом оружии позднего Средневековья и раннего Нового времени [LaRocca 2006: 175; Бобров, Худяков 2008: 304, 298, рис. 93, 6].

Завершая описание *цзида*, составители отмечают, что джунгары к своим копьям «привязывают кожаные ремни, чтобы было

типов. Так, например, кистью из выкрашенного в красный цвет конского волоса снабжались «длинное копье [воинов] охранных отрядов Отважной Конницы» (*хуцзюнь Сяоци чанцянь*) Восьмизнаменных войск, а также «длинное копье [китайских воинов] Зеленого Знамени» (*Люйин чанцянь*) и комбинированное копье «тигровый зуб» воинов Зеленого Знамени (*Люйин хуяцянь*), наконечник которого был дополнен парой загнутых вниз клинков, напоминавших клыки тигра [ХЛТ 2004: 723; Armaments and Military 2008: 249].

²³ Цинские материалы свидетельствуют, что копья джунгар и их мусульманских вассалов обычно украшались парой кисточек, однако также известны изображения центральноазиатских пик, древка которых украшены одним или тремя миниатюрными волосяными бунчуками.

легче нести [оружие] при скачке». В этих «ремнях» несложно узнать стандартные для пик воинов Великой степи и сопредельных территорий кожаные темляки, служившие для ношения длиннодревкового оружия за спиной воина. Большая петля (в центральной части древка) выполняла функции погонного ремня, позволявшего носить копье за правым или левым плечом. Малая петля, привязанная у нижнего конца древка, играла роль дополнительного фиксатора. Она охватывала щиколотку или носок сапога всадника, обеспечивая древку вертикальное положение.

Подобный способ ношения пика существенно облегчал ее транспортировку, освобождал руки всадника для управления конем, а также применения оружия дистанционного и ближнего боя. Перед началом копейной атаки воин мог быстро достать пика из-за спины, высвободив из кожаных петель руку и ногу. Судя по сообщениям современников, номады могли проделать эту процедуру (которую казаки называли «навешать пика») прямо на полном скаку [Смоленский 1873: 240].

Изображение описанных в «Сиюй тучжи» кожаных петель можно увидеть на том же портрете Аюши (рис. 1, 1).

«Нуму (努穆). Это лук (кит. гун 弓). По форме похож на те [луки], что используют во внутренних землях, но немного меньше. Вместо бересты для украшения используют кожу козла (кит. шаньян 山羊). Из [волоса] с конской гривы и хвоста делают тетиву (кит. сянь 弦)» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Цинскими авторами достаточно точно воспроизведено название лука в монгольских языках: монг. нум [БАМРС, 2 2001: 425], *пит, питип* [Гедеева 2015: 157]; калм. нумн [КлРС 1977: 386], синьцзян.-ойрат. нуман/номун [Тодаева 2001: 253].

Оправданным выглядит сравнение нуму с цинскими луками. Известные образцы центральноазиатского и южносибирского метательного оружия, действительно, конструктивно близки своим маньчжурским аналогам²⁴. При этом их средние размеры

²⁴ В обоих случаях активно используются «веслообразные» костяные накладки на рукоять, плечевые накладки из рога, обклейка сухожилий берестой и др. [Бобров, Худяков 2008: 79–95; Armaments and Military 2008: 31–35, 97, 99–109].

нередко несколько меньше цинских луков, что соответствует данным «Сиюй тучжи»²⁵.

Вызывает интерес технологическая деталь, отмеченная цинскими авторами: «... вместо бересты для украшения используют кожу козла». На большинстве известных на сегодняшний день центральноазиатских и южносибирских луках для гидроизоляции *кибитти* и защиты сухожилий от механических повреждений применяется именно береста [Бобров, Худяков 2008: 80–86, 88, 91, 94].

Кожаная обклейка *кибитти* также встречается, но значительно реже [Бобров, Худяков 2008: 80; Даржа 2013: 31, 32]. Возможно, как и в случае с крестообразной сабельной гардой, внимание цинских авторов привлекли наиболее экзотические конструктивные и оформительские решения, в то время как привычные материалы и технологии были проигнорированы²⁶.

Вероятно, та же ситуация наблюдается и с тетивами луков. Утверждение о том, что жители Центральной Азии «из [волоса] с конской гривы и хвоста делают тетиву», верно лишь отчасти. Большинство подлинных образцов центральноазиатских и южносибирских тетив выполнены из кожи или тонких, плотно свитых крученых сухожильных нитей, вытянутых из позвоночных жил быков и других крупных животных. Центральная часть тетивы обматывалась шелковой нитью или тонкой кожей. Подобная мера позволяла предохранять тетиву от износа при частом соприкосновении с ушком стрелы. Наиболее дешевые тетивы плелись из кожи (в том числе шкур коров, лошадей, домашних козлов-кастратов, козерогов, медведей, а также самцов сибирской косули и др.), из разволокненных прошлогодних стеблей крапивы, конопли или корней деревьев (ели, кедра и др.) и т. д. [Бобров, Худяков 2008: 80, 87; Даржа 2013: 32, 33].

²⁵ Преобладающий размер *кибитти* центральноазиатских луков: со спущенной тетивой — 140–170 см, с натянутой — 130–160 см. Большинство известных цинских луков имеют длину *кибитти*, со спущенной тетивой, около 165–180 см, с натянутой — 155–170 см.

²⁶ Обклейка *кибитти* лука полосами бересты являлась традиционным элементом оформления цинских луков рассматриваемого периода [Armaments and Military 2008: 31, 100, 103, 105, 107].

В то же время не исключено, что до включения в состав Цинской империи Джунгарии и Восточного Туркестана на данных территориях, действительно, преобладали тетивы из конского волоса. В настоящее время можно констатировать, что данный вопрос требует дополнительного изучения.

«*Суму* (蘇穆). Это стрелы (кит. *цзянь* 箭). По форме похожи [на стрелы, используемые] во внутренних землях, но немного короче. Древко стрелы (кит. *цзяньгань* 箭桿) деревянное, также называется *суму*. Качество [стрел] хорошее, [отделка] тонкая, [стрелы] очень мощные» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

В монгольских языках стрела — это монг. *сум*, *сумун* [БАМРС, 3 2001: 128], *sumin*, *suman* [Гедеева 2015: 157], калм. *сумн* [КлРС 1977: 461], синьцзян.-ойрат. *суман/сумун* [Годаева 2001: 302; Пюрбеев 2009: 284]. Цинская транскрипция и в этом случае передает звучание ойратского слова достаточно точно.

Конструктивное сходство стрел кочевников Центральной Азии и воинов Цинской империи подтверждается анализом вещественных материалов. В обоих стрелковых комплексах были масштабно представлены как стрелы с широким плоским (асимметрично-ромбическим, секторным, овально-крылатым) пером, предназначенные для поражения бездоспешных воинов противника и боевых коней, так и «универсальные», и «бронебойные» стрелы различных (но в целом схожих) типов [Бобров, Худяков 2008: 95–108; Armaments and Military 2008: 39, 41, 44, 45, 109, 110, 112–115, 117–135].

К сожалению, до нашего времени дошли в основном лишь наконечники монгольских, ойратских и южносибирских стрел, а также фрагменты древков, что затрудняет проверку сведений о том, что цинские стрелы были длиннее своих центральноазиатских аналогов. Имеющиеся данные, кажется, подтверждают сведения «Сиюй тучжи», однако для обоснованного вывода требуется несколько большая выборка²⁷.

²⁷ Косвенным подтверждением данных о более коротких стрелах джунгар являются приведенные выше сведения о применении кочевниками луков меньших размеров по сравнению с цинскими аналогами. Известные материалы свидетельствуют, что длина стрел обычно прямо пропорциональна размерам лука, для которого они предназначены.

Вызывает интерес высокая оценка джунгарских стрел цинскими военными. Дистанционный кавалерийский бой с применением лука и стрел являлся одним из ключевых элементов цинского тактического искусства рассматриваемого периода. Изготовлению саадаков, оснащению ими войск, а также обучению солдат лучшей стрельбе уделялось повышенное внимание. Тот факт, что составители «Сиюй тучжи» подчеркивают «хорошее» качество, «тонкую» отделку «мощных» джунгарских стрел, свидетельствует в пользу того, что последние действительно были выполнены на достаточно высоком уровне.

«Шоло (碩羅). Это обоюдоострый меч (кит. *цзянь* 劍). Те, которые длинные, — 3 чи с лишним (около 1 м. — Л. Б., А. П.), которые короткие, — 2 чи с лишним (более 64 см. — Л. Б., А. П.). Ножны меча (кит. *цзяньцяо* 劍鞘) делаются из кожи (кит. *пи* 皮). На конце эфеса (кит. *тань* 鐔) имеется кольцо из меди (кит. *тунхуань* 銅環).

[Следуют] Высочайше составленные стихи в [год под циклическими знаками] бинцзы (1756. — Л. Б., А. П.) «О мече [варваров] фань»²⁸ [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Транскрипцией «шоло» цинские авторы передали монгольское название оружия, известное, как *шор* [БАМРС, 4 2002: 369]. В «Сиюй тучжи» оно соотнесено с иероглифом *цзянь* (劍).

В Цинской империи рассматриваемого периода словом *цзянь* обозначалась особая разновидность колюще-рубящего оружия с обоюдоострым (двулезвийным) и, как правило, прямым клинком. В большинстве случаев под термином *цзянь* понимался меч или, реже, обоюдоострый кинжал, *кончар*²⁹, шпага и т. д.

²⁸ Далее в тексте цинского источника приведено стихотворение императора Цяньлуна, посвященное мечу [варваров] *фань* (*фаньцзянь* 蕃劍), захваченному у Ходжи Джахана. Обычно под *фанями* в синологии понимают тибетские племена. Однако в «Сиюй тучжи» данный термин часто используется в более широком значении, в том числе для обозначения населения Центральной Азии в целом.

²⁹ Кончар — разновидность длинноклинкового оружия с узким прямым граненым клинком, предназначенным преимущественно для нанесения колющих ударов.

Особо подчеркнем, что главной отличительной особенностью *цзянь* от *дао* было наличие двух лезвий, а форма клинка являлась важным, но при этом вторичным признаком. По данной причине, например, прямой, но однолезвийный церемониальный палаш членов императорской свиты *Шэньфэн* (神鋒, «Волшебное острие») был обозначен в «Хуанчао лица туши», как *дао* [ХЛТ 2004: 700]³⁰, а изогнутый (в значительном числе случаев), но обоюдоострый кинжал *ханджар* — как *цзянь* [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Тем не менее наиболее распространенной разновидностью *цзянь* на Дальнем Востоке рассматриваемого исторического периода были все же именно мечи³¹. Таким образом, первой достоверно установленной особенностью конструкции оружия *шор* было наличие двулезвийного, предположительно прямого, клинка³².

Традиционно считается, что мечи имели ограниченное распространение среди воинов Центральной Азии рассматриваемого

³⁰ Показательно, что указанное церемониальное оружие относится к так называемым «мечевидным» палашам, т. е. имеет не скошенное, а остроугольное острие, характерное для меча. Тем не менее наличие лишь одного лезвия позволило составителям «Хуанчао лица туши» уверенно отнести *Шэньфэн* к категории *дао*.

³¹ В современных толковых словарях китайского языка термин *цзянь* объясняется следующим образом: «*цзянь*, название оружия; с двух сторон имеются лезвия, посередине проходит ребро жесткости, внизу имеется рукоять» [Ван 1937: 1296]. Таким образом, под *цзянь* понимается оружие с обоюдоострым клинком ромбического сечения. При этом, если *дао* определяется как «рубящее оружие», то функциональное назначение *цзянь* особо подчеркнуто словами: «колюще-рубящее оружие» (刺劈兵器) [ЧГЦЦЦ 2002: 176].

³² Интересно, что в некоторых словарях термин *шор* вплоть до недавнего времени переводился как «копье» [Мулаева 2010: 79]. Подобные ошибки в атрибуции, вероятно, обусловлены в том числе тем, что указанный термин использовался относительно редко. Так, например, он ни разу не упомянут в крупнейших сборниках законов кочевников Центральной Азии «Их Цааз» (1640 г.) и «Халха Джирум» (первая половина — середина XVIII в.), в которых перечислены многочисленные разновидности защитного и наступательного вооружения [Пюрбеев 2009].

периода. Тем не менее подлинные образцы мечей XVII–XVIII в. различных типов зафиксированы среди монгольских, ойратских, тибетских и южносибирских материалов позднего Средневековья и Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 264–269].

Наибольшее число мечей происходит с территории Тибета, который был связан с Джунгарией тесными политическими и культурными контактами. Некоторые из наивысших тибетских мечей снабжены упомянутым в «Сиюй тучжи» металлическим кольцом, к которому крепился темляк или кисть из шелковых лент [Бобров, Ожеревдов 2021: 187, рис. 90, 2]³³. Их ножны могли обтягиваться кожей или даже целиком изготавливаться из данного материала. Длина таких мечей составляет около 70 см, что соответствует размерам «короткого шоло» в тексте «Сиюй тучжи» [LaRocca 2006: 163, 164; Бобров, Худяков 2008, 265, рис. 80, 3]. Указанные факты позволяют предположить, что под термином *шоло* в тексте рассматриваемого источника, скорее всего, скрывается именно указанная разновидность центральноазиатского меча.

В то же время не исключено, что в категорию «шоло» цинскими авторами могли заноситься и некоторые другие виды и типы длинноклинкового оружия, в том числе *кончары* и шпаги европейского образца. Последние попадали к ойратам в качестве трофеев в ходе конфликтов с русскими или приобретались в частном порядке джунгарскими дипломатами во время поездок в Россию. Несмотря на запреты царских властей, джунгарские посланники тайно нанимали местных мастеров, чтобы те обучили ойратских оружейников. Так, например, некий «иноземец» «шпажный мастер» И. Федоров взялся обучать двух джунгарских ремесленников тому, «как делают шпаги и их калят» [Бобров, Худяков 2008: 261]³⁴.

³³ Акцентирование внимания читателя «Сиюй тучжи» на размещении кольца для темляка на конце эфеса, вероятно, обусловлено тем, что для жителя Поднебесной это выглядело не совсем привычно, так как на регламентированном цинском длинноклинковом оружии темляк, как правило, крепился не к сабельному навершию, а пропускаясь через сквозное отверстие в рукояти.

³⁴ Интересно в данной связи, что в монгольских словарях *шор* определяется как «ору-

Таким образом, в настоящее время *шор* («шоло» в «Сиюй тучжи») может быть атрибутирован как разновидность длинноклинкового оружия с обоюдоострым и, наиболее вероятно, прямым клинком. Выделялись «короткие» (более 64 см) и длинные (около 1 м) *шор*, носившиеся в кожаных ножнах. Навершие рукояти снабжалось медным кольцом для темляка или кисти из матерчатых лент.

Наиболее вероятно, что под *шор* подразумевалась разновидность обоюдоострого меча тибетского типа. Не исключено, что в эту же категорию заносились и другие виды оружия с прямым обоюдоострым, в том числе граненым, клинком. Ограниченное распространение подобного оружия среди кочевников Центральной Азии обусловило редкость его упоминаний в письменных (в том числе монгольских и ойратских) источниках XVII–XVIII вв.

«*Духулаха* (都呼拉哈). Это шлем (кит. чжоу 胄). По форме [их шлемы] похожи на [те, что используются] во внутренних землях (т. е. в Китае. — Л. Б., А. П.). Или же из тонкого железа (кит. теги 鐵皮)³⁵ в передней части шлема делают чжанмянь³⁶, изпод которой едва видны оба глаза» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Таким образом, среди «духулаха» (от монг. *дуулга* [БАМРС, 2 2001: 79], *duuly-a* [Дыбо 2015: 237], калм. *дуулх* [КлРС 1977: 217], синцзян.-ойрат. *дуулха* [Тодаева 2001: 136]) цинские авторы выделяют наголовья, «похожие» на традиционные для империи шлемы *чжоу*, а также некие оригинальные (непривычные для жителей Дальнего Востока) шлемы с дополнительной защитой лица «из тонкого железа».

Действительно, подавляющая часть как ойратских, так и цинских металлических шлемов XVII – середины XVIII в. относит-

жие длиннее меча, шпага» или даже «штык» [БАМРС, 4 2002: 369; Тодаева 2001: 460]. Последняя атрибуция для оружейного комплекса региона середины XVIII в. неприменима, однако акцент на узкий прямой граненый клинок в определении термина *шор* в словарях весьма показателен.

³⁵ Досл. из ‘железной кожи’, т. е. из железного тонкого листа или тонкой пластинки.

³⁶ *Чжанмянь* (障面) — букв. ‘ширма на лицо’.

сы по материалу изготовления к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепаных. И те, и другие, как правило, снабжены козырьками, а также комбинированными навершиями, состоящими из цилиндрического или полусферического подвершия и трубки-втулки для плюмажа. Однако тулья цинских *чжосу* обычно клепались из двух пластин, а в комбинации с козырьком использовался специальный налобник *хуэ* (часто снабженный надбровными вырезами) [Бобров и др. 2017: 1151–1164].

Что касается центральноазиатских и южносибирских шлемов, то они в большинстве случаев клепались из 4–8 пластин, дополнительно зафиксированных обручем. Налобники *хуэ* (護額), столь характерные для цинских наголовий, на ойратских материалах пока не зафиксированы [Бобров, Худяков 2008: 416–445, 453–463, 474].

Исключительный интерес для темы нашего исследования представляет упомянутая в описании «ширма на лицо» *чжанмянь* [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Не до конца понятно, что за защитный элемент описан авторами «Сиюй тучжи». С одной стороны, в корейском языке существует термин *има каригэ* (кор. 이마가리개, букв. ‘лобная ширма козырек / предмет, дающий тень’), который применяется в современных исследованиях для обозначения налобной пластины с надбровными вырезами, аналогичной цинской *хуэ*. Однако сомнительно, чтобы маньчжурские и китайские авторы второй половины XVIII в. стали использовать для хорошо знакомого им защитного элемента столь сложное и развернутое описание, как то, что приведено в «Сиюй тучжи». Очевидно, что речь идет о какой-то оригинальной, непривычной для императорских чиновников конструкции. К сожалению, составители «Сиюй тучжи» отмечают лишь две основные характеристики *чжанмянь* — это малая толщина металла, из которого она была изготовлена, и то, что из-под нее «едва видны оба глаза» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Это дает широкое поле для интерпретаций: от кольчатого или кольчато-пластинчатого сегмента, прикрывающего лицо, до нестандартного козырька, налобника необычной формы или даже железной маски-личины.³⁷

³⁷ На первый взгляд, соотнесение *чжанмянь* с ‘тонким железом’ (‘железной кожей’)

Глухие кольчужные лопасти (в том числе изготовленные из тонких железных колец), закрывающие значительную часть лица, зафиксированы на некоторых центральноазиатских и сибирских шлемах XVII–XVIII вв. [Бобров, Худяков 2008: 448, 449, 458, рис. 189, 5, 467, рис. 193; Ахметжан 2015: 83, рис. 33, 5].

С территории Восточного Туркестана происходит кольчато-пластинчатый шлем синдского образца с треугольной лицевой кольчужной лопастью с вырезами для глаз [Бобров, Борисенко, Худяков 2010: рис. 13], а также шлемы черкесского типа, привезенные в регион волжскими калмыками. Последние снабжены широким кольчужным сегментом, прикрывавшим верхнюю часть лица³⁸.

как будто бы исключает вероятность ее изготовления из кольчатого полотна, так для кольчуги в китайском языке существовал специальный термин — *соцзыця* (также упомянутый в «Сиюй тучжи»), где *соцзы* означает ‘цепочку’, а *ця* — ‘доспех’. Однако необходимо учитывать, что изучаемое произведение было скомпилировано на основе сведений разных информантов. Над компиляцией этих данных в единый текст трудились разные чиновники. Если одни из них хорошо представляли конструкцию кольчатой брони, то для других это было варварской экзотикой, описать которую привычным способом было затруднительно. Это не позволяет в настоящее время полностью отказаться от возможности интерпретации *чжанмянь* как защитного элемента, изготовленного из кольчатой брони, тем более учитывая широту ее распространения на рассматриваемой территории (см. ниже).

³⁸ См., например, шлем, хранящийся в фондах музея «Возвращение на Восток» (Dong Gui 東歸博物館), уезд Хэцзин, Баян-Гол-Монгольский автономный округ, Синьцзян-Уйгурский автономный округ КНР. Обычно появление подобных шлемов в регионе связывают с «Торгутским побегом» 1771 г. Однако значительные массы калмыков переселялись в Джунгарию и ранее. Так, например, около 15 тыс. кибиток кочевников из Северного Прикаспия прибыли в Центральную Азию вместе с Санджипом (сыном хана Аюки) в начале XVIII в. [Тепкеев 2018: 170, 181, 183, 184]. Воинами Восточной Европы и Северного Кавказа XVIII в. также применялись различные виды наголовий снабженные кольчато-пластинчатыми бармицами. Налобная часть последних могла снабжаться пластиной (или пластинами) прямоугольной формы [Бобров,

Наконец, не исключено, что под термином *чжанмянь* может скрываться обычная *мисюрка* или кольчужный «башлык» с лопастью, прикрывающей лоб или верхнюю часть лица. Эти разновидности боевых наголовий были хорошо известны ойратам и их тюркским соседям XVII–XVIII вв., но являлись оружейной экзотикой для жителей континентальной Восточной Азии [Бобров, Худяков 2008: 469–472]. Возможно, дальнейшее изучение вещественных, изобразительных и письменных источников позволит уточнить значение термина *чжанмянь*, упомянутого в тексте «Сиюй тучжи».

«Хуякэ (呼雅克). Это кольчуга (кит. соэзыця 鎖子甲). Или же имеются такие [доспехи], которые делают из шелковой ваты (кит. мянь 綿). Их название — *элебокэ/аолэбокэ* (鄂勒博克). Высочайше составленные стихи в [год под циклическими знаками] бинцы (1756. — Л. Б., А. П.) «О доспехах [варваров] фань...»³⁹ [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Термином *хуяг* (монг. *хуяг*, *циуау*, калм. *хуйг*) в монгольских языках в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени обычно обозначался корпусный доспех (без учета структуры его бронирования). Если требовалось уточнить особенности его конструкции, то к слову *хуяг* добавляли поясняющее определение. Кольчуга обозначалась как *кйй-е' куо*. Именно так она записана, например, в тексте законодательного памятника XVIII в. «Халха Джирум» [Пюрбеев 2009: 284]⁴⁰.

Сальников 2018: 16–30]. Кольчато-пластинчатые шлемы, дополненные налобными пластинами и масками, применялись в различных регионах Южной Азии, которые поддерживали с подвластным Джунгарии Восточным Туркестаном разнообразные (в том числе экономические) контакты [Бобров, Сальников 2018: 11–14]. Однако находки подобных северокавказских и южноазиатских наголовий на территории Джунгарии пока не зафиксированы.

³⁹ Далее в тексте «Сиюй тучжи» приведено стихотворение императора Цяньлуна, посвященное «доспехам [варваров] фань» (*фаньця 蕃甲*).

⁴⁰ В современном монгольском языке кольчуга обозначается словосочетанием *гархин хуяг* [Пюрбеев 2009: 284; БАМРС, 1 2001: 391], т. е. «кольчатый доспех» (от *гархи(н)* — мелкое металлическое кольцо). Также использовались термины *хөө хуяг*,

В тексте «Сиюй тучжи» также весьма точно передано звучание центральноазиатского «мягкого» стеганого панциря, который обозначался как *olboy quaya* [Пюрбеев 2009: 284] или просто *olboy/олбог*.

После вытеснения традиционного защитного вооружения из широкого военного обихода данный термин стал обозначать тюфяк, подстилку, стеганный матрац и т. д. Однако народная память сохранила и оригинальное значение термина — «куртка стеганая на пеньковой пакле и надеваемая на войне», «дорожная короткая куртка стеганая на вате» [Банзаров 1955: 163, 304; БАМРС, 2 2001: 467]⁴¹.

Широкое использование джунгарами и их вассалами конца XVII – первой половины XVIII в. как кольчатых, так и стеганых панцирей подтверждается вещественными, изобразительными и письменными источниками [Бобров, Худяков 2008: 392–416].

«Бао (包). Это пушки (кит. *пао* 礮)⁴². Из железа (кит. *те* 鐵) делают ствол, для заряда используют селитру (кит. *сяохуан* 硝黃) и свинцовые снаряды (кит. *цяньтань* 鉛彈). [Их огнестрельное оружие] относится либо [к типу] длиной 2–3 чи (64–96 см. — Л. Б., А. П.) и диаметром 3 цунь (9,6 см. — Л. Б., А. П.), который везут на спине верблюдов и стреляют, или [к типу] длиной 2–3 чи (64–96 см. — Л. Б., А. П.) и диаметром 5–6 цунь (16–19,2 см. — Л. Б., А. П.), из которых стреляют с деревянного лафета (кит. *муця* 木架)⁴³, или же [к типу] длиной 4 с лишним чи (более 128 см. — Л. Б., хөө дээл [БАМРС, 4 2002: 141] ‘кольчатый доспех’ и ‘кольчатая одежда’ соответственно.

⁴¹ Стоит обратить внимание, что в данном пассаже «Сиюй тучжи» в качестве набивки джунгарского мягкого доспеха *олбог* названы очески шелковой ваты, что в условиях отсутствия собственного развитого шелководства в Джунгарии кажется маловероятным (см. ниже).

⁴² В данном случае, исходя из контекста, подразумевается несколько более широкое значение китайского слова *пао* (礮) — огнестрельное оружие вообще.

⁴³ Основные значения слова *муця* (木架) — деревянный каркас, деревянная конструкция, деревянная рама, обрешетка, деревянная клетка; деревянный козел; деревянная рама; рамная деревянная опора. В данном случае наиболее уместным представляется перевод «лафет», независимо от его конкретной конструкции.

А. П.), похожие на [те] фитильные ружья (кит. *няоцян* 烏鎗), что [используют] во внутренних землях, из которых стреляют с рук. Заведующие огнестрельным оружием люди именовались „баоцинъ“ (包沁)» [ЦХСТ 1782: цз. 41]⁴⁴.

Монгольское название огнестрельного оружия *буу* (*бии*) цинские составители «Синей тучжи» передали как *бао*, а должность джунгарского чиновника — «заведующего огнестрельным оружием» (монг. *буучин*) — как *баоцинъ*⁴⁵.

В качестве материала для изготовления стволов названо железо, а в качестве сырья для боеприпасов — свинец (кит. *цянь* 鉛), что верно лишь отчасти (см. ниже).

Несколько странным выглядит утверж-

⁴⁴ В другой части текста авторы «Синей тучжи» отмечают: «Ремесленники (*у-лу-тэ* 烏魯特, монг. *урад* [БАМРС, 3 2001: 340]) являются кузнецами (*тецзян*) и отливающими утварь [литейщиками]. Золотых дел мастера (*а-эр-та-цинъ*, монг. *алтачин* [БАМРС, 1 2001: 79]) являются теми, кто выполняет все работы по изображению и ваияню будд. *Буучинэр* (*бао-ци-на-эр*) являются теми, кто ведаёт пушками и ружьями в военном лагере, и прочими подобными делами. *Буучин* (*бао-цинъ*) особо ведают пушками» [ЦХСТ 1782: цз. 29].

⁴⁵ Судя по материалам «Цин ши гао», мастера по изготовлению пушек были преимущественно мусульманами, однако расселены они были в восточной части Джунгарии на территории *отока Буучин* по соседству с *отоком* пограничной стражи — *Джахачин*, располагавшимся на территории Монгольского Алтая: «Изначально ойрат Мамут (Ма-му-тэ) прозывался Кукэсинь и был *зайсаном* джунгарских *дзахчинов*. *Дзахчины* — в переводе «охранные войска» (*сюньцзу*), возглавлялись *зайсанами*. Мамут ведал Алтайским караулом, пас скот в Булаган-Цагаан Тохой. К востоку от него находилась Халха и рубежи Урянхая, к западу — Джунгария, рубежи *буучинов*, разных джунгар и *галдзатов* с пятью *джаса*. *Буучины* являлись мусульманским племенем (*хуйцзу*). Джунгары называют пушку *бао* (包), заставляя мусульман ведаёт пушками, отсюда и название. *Галдзаты* и пять *джаса* — это все джунгарские *отоки*. *Оток* — это как *цзолин* (монг. *суман* [БАМРС, 3 2001: 128]) в *ци* (монг. *хошун* [БАМРС, 4 2002: 123])» (см.: [ЦШГ 1927: цз. 523]). В «Синьцзян чжи ляо» уточняется, что общая численность населения *отока Буучин* составляла 1 тыс. кибиток при трех *зайсанах* [Очилов 2010: 11].

дение, что джунгары «для заряда используют селитру (кит. *сяохуан* 硝黃)», а не порох (кит. *хояо* 火藥). Селитра, действительно, является основным компонентом дымного пороха (наряду с древесным углем и горючей серой), но не может быть использована в качестве самостоятельного взрывчатого вещества, действие которого аналогично пороху. Вероятно, в данном случае составители «Синей тучжи» допустили ошибку (описку?).

Все джунгарское огнестрельное оружие авторы сочинения делят на три основные группы. Рассмотрим их более подробно.

К первой относятся крупнокалиберные ружья или легкие малокалиберные пушки длиной около 64–96 см (возможно, в данном случае имеется в виду не общая длина оружия, а только длина ствола) с диаметром дульного среза около 9,6 см. Эти ружья «везут на спине верблюдов и стреляют» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

В русских письменных источниках XVIII в. данная разновидность джунгарского огнестрельного оружия названа «пушками походными» [Бобров, Пастухов 2007: 203, 208].

По всей видимости, они представляли собой аналог русских *затинных пищалей* и иранских *джазаиров* (*джазаиль*). Визуально это оружие напоминало обычные фитильные ружья, но отличалось массивным ложем, внушительными размерами и большим калибром. В тексте «Хуанчао лица туши» помещено описание и изображение трофейного «мусульманского орудия» (кит. *хуйпао* 回礮), имеющего вид длинного крупнокалиберного ружья, и специального ясельного «седла», в котором оно перевозилось [Бобров, Пастухов 2007: 210, рис. 1, 3].

Согласно этим данным, общая длина оружия составляла 1,6 м [Бобров, Пастухов 2007: 210, рис. 3, 211].

По единодушному мнению цинских и российских современников крупнокалиберные ружья («пушечки», «пушки походные») транспортировались на спине верблюдов или коней [Бобров, Пастухов 2007: 203].

Первые образцы крупнокалиберных фитильных ружей появились на вооружении джунгар, вероятно, во второй половине XVII в., а возможно, и ранее [Бобров, Пастухов 2007: 209].

В начале 40-х гг. XVIII в., согласно данным ойратских дипломатов (подтвержденных российскими современниками), в джунгарских войсках находилось около трех тысяч крупнокалиберных ружей — «пушек походных, которые на верблюдах возят» [Бобров, Пастухов 2007: 203].

Ко второй группе отнесены орудия легкой полевой артиллерии. Они имеют ту же длину, что и крупнокалиберные ружья (около 64–96 см), но значительно больший диаметр ствола (около 16–19,2 см). Из них «стреляют с деревянного лафета» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Эти сведения весьма близки другим источникам, сообщающим данные о размерах и конструкции джунгарских орудий. Так, например, посещавший Джунгарию в январе 1749 г. кашгарский купец Айтбага Баймуратов описал ойратские пушки как орудия «длиною аршина полтора (около 1 м) ... кои и возятся на верблюдах» [Бобров, Пастухов 2007: 228].

Трофейные джунгарские пушки близкого размера изображены на цинских картинах второй половины XVIII в. Интересно, что эти орудия не имеют колесной базы, но к их передней части (недалеко от дульного среза) привязан деревянный брус, обеспечивавший приподнятое положение дула при стрельбе [Бобров, Пастухов 2007: 214, рис. 2, 1].

Возможно, что именно это приспособление названо в тексте «Сиюй тучжи» «деревянным лафетом». В противном случае под ним могла пониматься более сложная деревянная (в том числе рамчатая) конструкция, также зафиксированная в цинских изобразительных материалах XVIII в. [Бобров, Пастухов 2007: 227, рис. 6, 1].

Кроме отмеченных составителями «Сиюй тучжи» «железных» орудий⁴⁶, свинцовых пуль и ядер, джунгары использовали для производства оружия и боеприпасов и другие металлы. Так, например, ойратский посол Дондук (Дюринг) сообщал, что «... зенгорцы, те пушки и к ним ядра, а также мортиры сами делают из меди, чугуна и железа, а ядра и из олова, к чему оную медь, чугун и железо, и олово сами ж делают» [Бобров, Пастухов 2007: 203].

⁴⁶ В указанном контексте, вероятно, имеются в виду артиллерийские стволы, изготовленные из чугуна.

Сведения об орудиях, изготовленных из медного сплава, подтверждаются и другими источниками [Бобров, Пастухов 2007: 192, 196, 202, 205, 206, 228, 233].

Третью группу джунгарского огнестрельного оружия составляют ружья длиной более 128 см, которые авторы «Сиюй тучжи» считают «похожими» на «... *няоцянь*, что [используют] во внутренних землях» [ЦХСТ 1782: цз. 41], т. е. на фитильные ружья цинского производства.⁴⁷

Сопоставление известных образцов джунгарских ружей и их изображений с цинскими аналогами позволяет сделать вывод, что они обладали схожей конструкцией и размерами, хотя и имели некоторые отличия, заключающиеся в оформлении ствола, деревянного ложа, приклада и др.

Данные о типологии и размерах огнестрельного оружия джунгар, зафиксированные в «Сиюй тучжи», уникальны. Среди письменных свидетельств XVIII в. сложно найти источник, в котором бы указанная проблематика была бы рассмотрена столь же подробно и детализированно. Особое значение это имеет для изучения джунгарских крупнокалиберных ружей и пушек, подлинные образцы которых пока не обнаружены и известны лишь по изобразительным материалам [Бобров, Пастухов 2007: 210, рис. 1, 3, 214, рис. 2, 1, 2].

«*Мани* (瑪呢). Это знамя (кит. 旗). Из хлопчатобумажной ткани делают полотнище (кит. 幅) полностью разных цветов⁴⁸. Имеются знамена длиной почти в

⁴⁷ В отечественных исследованиях термин *няоцянь* традиционно переводят как ‘дробовики’ или ‘охотничьи ружья’. Подобный перевод неверен по своей сути, поскольку значение ‘охотничье ружье’ или ‘дробовик’ слово *няоцянь* получило только в XX в., когда устаревшее фитильное оружие стало использоваться преимущественно охотниками или ополченцами. В XVI–XIX вв. *няоцянь* представляло собой обычное фитильное ружье, которое применялось и в имперских «Восьмизнаменных» войсках. Так в «Хуанчао лица туши» среди вооружения цинских воинов, например, упоминается «армейское *няоцянь*» (кит. *биндин няоцянь* 兵丁鳥鎗).

⁴⁸ В данном контексте фраза *цайсэ цзюнь* 雜色俱 (досл. ‘разноцветное полностью/все’) может означать как полотнище, сшитое из ткани разных цветов, так и окрашенное разными цветами. Кроме того, нельзя исключать, что данной

чжан (до 3,2 м. — Л. Б., А. П.) и шириной как их длина [в соотношении] 10 к 8, испи- санные ламаистскими мантрами по всему полотнищу. При ветре [полотнища] дви- жутся и [словно] читают [мантры] наи- зусть. [Знамена-мани] выставляют зайса- ны и [начальники] ниже их» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Этимология слова в рассматриваемом контексте не до конца понятна. Возможно, что для обозначения знамени использо- вано наименование чудодейственного драго- ценного камня из буддийской религиозной традиции — *мани* (санскр. ‘драгоценный камень’), в значении ‘драгоценность’, ‘со- кровеще’. На изображениях XVIII в. ойрат- ские знамена иногда увенчаны характерным фигурным навершием, которое может быть атрибутировано и как символическое обо- значение «драгоценности» — *мани* [Бобров, Худяков 2008: 315, рис. 97, 12; Бир 2013: 246]⁴⁹.

Судя по описанию, основным элемен- том джунгарского знамени-*мани* был цвет- ной флаг, представляющий собой большое прямоугольное полотнище, примерно 3,2 на 2,6 м, выполненное из хлопчатобумажной ткани. Авторы «Сиюй тучжи» не акценти- руют на этом внимание читателей, но, судя по подлинным ойратским знаменам и их изображениям, матерчатый флаг крепился к древку вертикально, т. е. упомянутая «дли- на» соответствует «высоте» полотнища. По- добная форма знамен, восходившая к фла- гам раннесредневековых кочевников, была характерна для монголоязычных номадов Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Худя- ков 2008: 314–316].

Значительный интерес представляют со- общения авторов «Сиюй тучжи» о том, что поверхность знамени была покрыта «... ла- маистскими мантрами по всему полотнищу. При ветре [полотнища] движутся и [словно]

читают [мантры] наизусть» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Традиция написания мантр и молитв на боевых знаменах была связана с представ- лением об охранительных функциях свя- щенных текстов. Если подобное знамя бу- дет развеваться, то «прекратятся междуосо- бия, эпидемии, неприятель будет поражен» [Шараева 2012: 55].

Подлинный образец ойратского воин- ского знамени, покрытого мантрами, еще в начале XX в. хранился в Александровском *хуруле*⁵⁰ и был осмотрен Г. Н. Прозрителе- вым. По мнению исследователя, оно отно- силось «ко времени появления калмыков в России» [Прозрителев 1912: 90], т. е. к XVII в.

На тканевой основе флага «... начертаны только изречения на тибетском языке. На знамени имеется надпись: „Саин-Ка Исиль- бе“, т. е. князь Саин Исельбеев⁵¹. На зна- мени начертаны три „тарни“ (заклинания) бурханов: Очир-Вани, Цаган-Шюкюртэни и Наймен-гегени... Кроме этих заклина- ний (молитв) на знамени этом есть молит- ва „ОЛЬЗЕ ДАВХАР“» [Прозрителев 1912: 92–94]. Данные заклинания должны были сделать владельца знамени крепким «как железо», защитить от оружия противника, злых духов и прочих опасностей, а также помочь в различных начинаниях [Прозрите- лев 1912: 92–94].

По замечанию Г. Н. Прозрителева: «Зна- мя это весьма чтится калмыками по име- ющимся на нем святым начертаниям, но прочесть их никто из калмык не может и до- ступно чтение тибетской рукописи только духовным лицам» [Прозрителев 1912: 95].

Судя по фотографии знамени, тексты располагались в центральной части верти- кально расположенного полотнища, а по

⁵⁰ *Хурул* — буддийский храм (монастырь, обитель) в ойратском ламаизме.

⁵¹ Досл. ‘Святом телохранителе Исильбэ’ (*саин* ‘благой’, *ка* — ойратская форма слова ‘телохранитель, адъютант’). Возможно, что речь идет о знаменитом ойратском правителе и полководце Эсэльбэйн Саин-Ка (букв. ‘Сайн-Ка, [сын] Эсэльбэ’). С 1574 г. он являлся правите- лем хойтов, относился к числу наиболее влия- тельных ойратских князей. Упомянут в числе героев знаменитого сказания «Песнь о походе Убаши-хунтайджи на ойратов» [Письменные памятники 2016: 170, 171, 236, 237].

фразой цинские авторы пытались указать на то, что джунгары применяли знамена, отличавшие- ся между собой цветом полотнища.

⁴⁹ Возможно также, что под рассматривае- мым термином подразумевается *чинтамани*, т. е. «Драгоценность, исполняющая желания». В монгольском языке этот камень чаще называ- ется *Эрдэнэ* или *Чандмань Эрдэнэ* [БАМРС, 4 2002: 306].

его периметру флаг был снабжен широкой (красной?) каймой. Как и другие ойратские знамена, полотнище флага из Александровского хурула было дополнено длинными узкими лентами, так называемыми «языками». Использование яркой цветной ткани на указанном знамени хорошо коррелирует с сообщением авторов «Синей тучжи» о том, что джунгарские стяги «...полностью разных цветов» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Покрытые мантрами знамена, украшенные яркой вышивкой, цветными изображениями и аппликацией продолжали использоваться калмыками вплоть до первой четверти XX в. [Шараева 2012: 55]⁵².

Примечательно, что, согласно «Синей тучжи», использовать подобные знамена могли не только *зайсаны*⁵³, но и нижестоящие командиры. Это дает основание предположить, что цветные, покрытые буддийскими мантрами флаги прямоугольной формы являлись одной из основных разновидностей знамен высшего и среднего командного состава джунгарской армии первой половины – середины XVIII в.

Также отметим, что в «Синей тучжи» указан, вероятно, максимальный размер полотнища подобного знамени. Подлинные образцы ойратских флагов, а также джунгарские знамена на изображениях рассматриваемого периода обычно имеют значительно меньшие размеры [Бобров, Худяков 2008: 314, 315].

«*Тукэmani* (圖克瑪呢). Это большие знамена с бунчуком (кит. да дуци 大纛旗). Длина в чжан (3,2 м.— Л. Б., А. П.), ширина так же, как и [у] знамен [mani]. Для полотнищ используют шелк зеленого цвета, расписанный ламаистскими мантрами по верху. [Эти знамена] выставляют тайджи» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Транскрипция *тукэmani* передает монгольское слово *туг-мани*, т. е. дословно «флаг-драгоценность».

Размеры *туг-мани* были несколько большими, чем обычного знамени-*мани*, применявшегося *зайсанами* и нижестоя-

⁵² В Тибете покрытые мантрами разноцветные «молитвенные флаги» (*Dar Cho*) используются в различных религиозных церемониях вплоть до настоящего времени.

⁵³ Согласно подсчетам А. И. Чернышева, в Джунгарии середины XVIII в. насчитывалось не менее 64 *зайсанов* [Чернышев 1990: 74].

щими командирами⁵⁴. Наряду с размером главными особенностями *туг-мани* были материал изготовления (шелк вместо хлопчатобумажной ткани), а также зеленый цвет полотнища.

Судя по описанию, древко знамени могло также дополнительно снабжаться волосяным бунчуком-*туг* (кит. ду 纛). Джунгарские знамена с вертикальным полотнищем и бунчуком под фигурным навершием изображены на картинах середины XVIII в. [Бобров, Худяков 2008: 315, рис. 97, 12].

Не до конца понятна фраза о том, что зеленое шелковое полотнище было покрыто «ламаистскими мантрами по верху» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Это можно трактовать как нанесение надписей поверх зеленой ткани, так и указание на их расположение в верхней части флага.

Согласно «Синей тучжи», правом на использование подобных «больших знамен с бунчуком» обладали только *тайджи*. Последние делились на «больших тайджи» (кит. да тайцзи 大台吉), которые стояли во главе четырех основных ойратских племен, и «малых тайджи» (кит. сяо тайцзи 小台吉).

Информацию о вооружении и военной символике джунгар в *цзюане* 41 «Синей тучжи» цинские авторы подытоживают исторической справкой о военном деле предшественников ойратов в Центральной Азии. Здесь же дается общая оценка военного искусства джунгар.

«В разделе „Повествование о тюрках“ („Туцзюэ чжуань“) в „Бэй ши“⁵⁵ среди оружия [тюрков] имеются роговые луки (кит. цзюагун 角弓) и свистящие стрелы (кит. минди 鳴鏑), панцири (кит. цзя 甲) и копы (кит. шо 稍), палаши / сабли (кит. дао 刀) и щиты (кит. дунь 楯), знамена (кит. ци 旗) и бунчуки (кит. ду 纛), на верху которых устанавливали золотую голову волка (кит. цзинь лантоу 金狼頭). Поднимая войска в поход, делают зарубки на дереве, считая [войско], а также печатают воском стрелу с

⁵⁴ Знамя-*мани* было в длину «почти в чжан», т. е. несколько менее 3,2 м (см. выше). В то время как длина *туг-мани* уверенно определяется в 1 чжан, т. е. в 3,2 м.

⁵⁵ Имеется в виду историческая хроника «Бэй ши» («История Северных династий»), которая описывает события 386–618 гг. Данная хроника была составлена в период правления династии Тан (618–907).

золотым наконечником, считая это верительным знаком.

В „Повествовании о жуаньжуанях“ („Жуаньжуань чжуань“) впервые говорится о воинских установлениях — 1 000 человек составляли войско (кит. цзюнь 軍), над войском ставился 1 полководец (кит. цзян 將). 100 человек составляли знамя (кит. чуан 幢), над знаменем ставился 1 военачальник (кит. шуай 帥). Шэлунь⁵⁶ изучил законы Среднего Государства и, установив воинские правила (букв. ‘порядки и войско’. — Л. Б., А. П.), творил разбои на границах.

В „Повествовании об уйгурах“ („Хуйгу чжуань“) в „Тан шу“⁵⁷ [говорится]: „Сяцзясы⁵⁸ — это древнее владение Цзянькунь⁵⁹. Среди их военного [снаряжения] есть луки и стрелы (кит. гунши 弓矢), а также знамена (кит. цичжи 旗幟). Их всадники раскалывают дерево (кит. симу 析木) и делают щиты (кит. дунь 盾), которые закрывают ноги до бедра, а также используют круглые щиты (кит. юандунь 圓盾) на плечах, чтобы предохраняться от стрел и клинков (кит. шижэнь 矢刃)“.

На основании древних воинских установлений жуаньжуаней, воинского снаряжения тюрков и считавшегося сильнейшим среди западных племен [тюрков] шато, в наши времена [джунгары] тоже полагались на крепкие доспехи (кит. цзяньцзя 堅甲) и острое оружие (кит. либин 利兵), чтобы убивать из ненависти, сделавшись [самыми] жестокими и коварными среди племен северо-запада. [Мы] изучили их воинское снаряжение (кит. чжаньцзюй 戰具), особенно описав их знамена (кит. циду 旗纛), полностью исписанные санскритскими письменами.

⁵⁶ Шэлунь (? – 410) — первый каган жуаньжуаней.

⁵⁷ Имеется в виду цз. 217 «Уйгуры» династической хроники «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан»), которая описывает события времен правления династии Тан (618–907). Сама хроника была составлена в 1044–1060 гг. в период правления династии Сун (960–1279).

⁵⁸ Сяцзясы — владение в Центральной Азии и Южной Сибири, отождествляемое с каганатом енисейских кыргызов (840–925).

⁵⁹ Цзянькунь — владение в Центральной Азии и Южной Сибири, отождествляется с землями енисейских кыргызов и, на основании «Синь Таншу», с владением Сяцзясы.

Однако, хотя [они] и приняли буддийскую веру, все же на самом деле [следовали принципу] выживает сильнейший⁶⁰, и они скорее умерли бы, чем изменили себе. [Они] умели хорошо воевать (кит. шаньчжань 善戰) и были хороши в поле (кит. шаньчжэнь 善陣)⁶¹, но полностью зависели от воздаяния!» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Выводы

Проведенный анализ цзюаня 41 «Сиюй тучжи» показал, что в нем систематизирована информация о вооружении и военной символике джунгар, известная цинским чиновникам второй половины XVIII в. Можно предположить, что большинство этих сведений было получено членами исследовательской экспедиции в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1756–1759 гг. Основными информантами, вероятно, выступили представители местного ойратского и тюркского населения, а также цинские военнопленные, принимавшие участие в присоединении данных регионов к империи. Позднее указанные сведения могли быть дополнены и отредактированы членами императорской комиссии, в состав которой входили маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии.

В тексте «Сиюй тучжи» описаны по две разновидности клинкового, длиннодревкового оружия, корпусных панцирей и шлемов, три вида огнестрельного оружия, лук и стрелы, а также два варианта знамен ойратов Джунгарии. Описание каждого предмета сопровождается транскрипцией его оригинального названия. В некоторых случаях указываются материал изготовления и основные типовые размеры.

Следует отметить, что цинские авторы продемонстрировали неплохое знакомство с монгольскими языками, удачно транскрибируя при помощи иероглифов слова, обозначающие названия различных видов и типов оружия и доспехов. Это позволило уверенно идентифицировать большинство предметов упомянутых в источнике.

Сопоставление данных «Сиюй тучжи» с подлинными образцами вооружения ойратского населения Центральной Азии, а также

⁶⁰ Букв. ‘пищей сильного является мясо слабого’.

⁶¹ Букв. ‘[умели] хорошо выстраивать войска в поле’, т. е. вести полевое сражение.

их изображениями, показало, что цинские авторы весьма достоверно описали особенности конструкции и оформления оружия дистанционного и ближнего боя, а также доспехов населения изучаемого региона. Это, в свою очередь, заставляет с доверием отнестись и к информации о тех предметах и элементах вооружения, которые упомянуты в тексте, но пока не подтверждены вещественными источниками. К числу таких предметов можно отнести, например, дополнительную защиту для лица «из тонкого железа» на ойратских шлемах (*чжанмянь*).

Большую научную ценность представляют сведения «Сиюй тучжи» о размерах и оформлении длиннодревкового оружия, крупнокалиберных ружей, пушек и знамен, так как в других письменных источниках XVII–XVIII вв. соответствующая информация дана кратко либо вовсе отсутствует.

Характеризуя *цзюань* 41 в целом, следует отметить достаточно высокую оценку, которую дали цинские авторы вооружению и военному делу своих западных противников. Так, в частности, они отмечают, что ойраты «полагались на крепкие доспехи и острое оружие», а также «умели хорошо воевать и были хороши в поле» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Предметы защитного и наступательного вооружения описываются либо нейтрально, либо даже удостоиваются похвалы со стороны составителей «Сиюй тучжи». Так, например, подчеркивается «хорошее качество» и «тонкая» отделка «очень мощных» ойратских стрел [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Подобная оценка контрастирует с весьма сдержанными, а иногда и откровенно пренебрежительными отзывами о джунгарских войсках, которые высказывали некоторые цинские сановники первой четверти XVIII в. [Хафизова 2013: 121]. На наш взгляд, подобная смена акцентов обусловлена несколькими причинами. Во-первых, давая достаточно высокую оценку военному искусству джунгар, составители «Сиюй тучжи» подчеркивали значение триумфа Цяньлуна, одержавшего победу над столь сильным противником. С другой стороны, не всегда успешные действия цинских войск в столкновениях с джунгарами в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в., вероятно, побудили цинские власти с большим уважением отнестись к военным возможностям своим западным соседям.

Известный интерес представляет тот факт, что составители «Сиюй тучжи», стремясь показать широту своих исторических познаний, попытались рассмотреть боевую практику ойратов в рамках общего контекста развития центральноазиатского военного искусства. Посвященный джунгарам *цзюань* 41 завершается историческими вставками о вооружении и военной символике древних тюрков и енисейских кыргызов, а также о десятичной военной организации жужаней [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Якобы «на основании древних воинских установлений» этих народов, а также «сильнейших среди западных племен [тюрков] шато» [ЦХСТ 1782: цз. 41] базировались военные традиции самих ойратов.

Подчеркивая высокую научную ценность «Сиюй тучжи» как источника по вооружению и военной символике населения Центральной Азии, в то же время необходимо отметить ряд важных нюансов, связанных со спецификой приводимых в источнике сведений.

В рассматриваемом произведении перечислены многие предметы защитного и наступательного вооружения ойратов Джунгарии. Однако указанный перечень нельзя считать исчерпывающим. Так, например, совершенно не упомянуты ударно-дробящее (булавы, палицы и др.) и ударно-рубящее оружие (боевые топоры, секиры), ножи, сабли и палаши с дисковидной гардой, пластинчато-нашивные и кольчато-пластинчатые доспехи, мисюрки и кольчужные «башлыки», наручи и др. Из материалов вещественных, изобразительных и письменных источников (в том числе цинских) известно, что перечисленные предметы вооружения применялись народами изучаемого региона, однако сведения о них в *цзюане* 41 отсутствуют⁶².

Стоит также отметить, что внимание цинских авторов в первую очередь привлекали предметы вооружения непривычной для Дальнего Востока конструкции и систе-

⁶² Некоторые из этих предметов (например, полусекира «аипалэту», т. е. *айбалта*, пластинчатый доспех «куякэ», т. е. *хуяг, куюк*) упомянуты на вооружении «мусульманских племен», т. е. мусульманского населения (*хуйбу*) Восточного Туркестана и сопредельных территорий в *цзюане* 42 «Сиюй тучжи» [Бобров, Пастухов 2021: 518–520].

мы оформления. К их числу можно отнести *илэду* (сабли или палаши с эфесом, снабженным крестовиной, а не типичной для Восточной Азии дисковидной гардой), шлемы с дополнительной защитой лица и др.

Даже в тех случаях, когда в перечень попадали более привычные и широко распространенные среди воинов центральноазиатского региона предметы вооружения (копья, луки, стрелы), авторы «Сиюй тучжи» старались подчеркивать их нестандартные для Восточной Азии элементы оформления: миниатюрные бунчуки на древках ойратских пик, темляки на навершиях рукоятей длинноклинкового оружия, оригинальное оформление знамен и т. д.

Кроме того, деление вооружения народов региона на «джунгарское» (*цзюань* 41) и «мусульманское» (*цзюань* 42) весьма условно и отражает политические реалии второй половины 50-х гг. XVIII в. До этого времени тюркское население Восточного Туркестана исправно поставляло военные контингенты в войска Джунгарского *хунтайджийства*. Поэтому некоторые предметы вооружения, отнесенные цинскими авторами к «мусульманским», могли применяться этническими ойратами (например, пластинчатые доспехи, тесакообразные сабли и палаши «сэлиема» и др.). И, наоборот, огнестрельное оружие, изготовленное мастерами джунгарского *отока буучин*, поступало в отряды, укомплектованные воинами из Восточного Туркестана.

Порой в тексте «Сиюй тучжи» встречаются и сомнительные утверждения, а также откровенные ошибки. Так, например, при описании джунгарских стеганых доспехов *элэпакэ* (монг. *олбог* [БАМРС, 2 2001: 467]) отмечается, что в качестве набивки использовалась шелковая вата, что маловероятно в условиях отсутствия развитого шелководства в Джунгарии.

В качестве взрывчатого вещества, необходимого для произведения выстрела, назван не порох, а селитра, хотя из других источников известно, что в первой половине XVIII в. в Джунгарии массово производился порох и др. Можно предположить, что некоторые из этих неточностей обусловлены не недобросовестностью информантов, а ошибками писцов, готовивших текст для резчиков клише ксилографа, которые могли

вставить схожий графически, но отличный по значению иероглиф в текст произведения.

Однако указанные неточности не влияют на общую высокую оценку «Сиюй тучжи» как главного и наиболее ценного цинского письменного источника по вооружению и знаменам ойратского населения Джунгарии первой половины – середины XVIII в. Многие сведения, зафиксированные в «Сиюй тучжи», отсутствуют в других произведениях, что делает их уникальными и придает рассматриваемому сочинению особую научную ценность.

В завершение отметим значение «Сиюй тучжи» для дешифровки оригинальных ойратских терминов, применявшихся для обозначения различных видов оружия и доспехов. Вплоть до недавнего времени атрибуция оружейных терминов, которые фигурируют в фольклорных (в том числе эпических) произведениях и письменных источниках, основывалась на позднейших этнографических интерпретациях XIX – первой половины XX в. Однако в этот период многие предметы традиционного центральноазиатского вооружения либо вышли из широкого военного обихода, либо, в силу различных причин, сменили названия. В результате в исторические словари наряду с оригинальными оказались внесены новые или обновленные значения терминов. Благодаря тому, что в «Сиюй тучжи» названия различных видов и типов оружия и доспехов соотнесены с особенностями их конструкции, представляется возможным уточнить первоначальный смысл тех или иных оружейных терминов, применявшихся монгольскими народами первой половины – середины XVIII в. Это открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменного и фольклорного наследия населения Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В целом необходимо отметить, что в настоящее время «Сиюй тучжи» является наиболее подробным и детализированным цинским письменным источником, содержащим сведения о вооружении и знаменах ойратского населения Центральной Азии середины XVIII в., вводимым авторами в научный оборот.

Сокращения

- букв. — буквально
 б/г — без указания года издания
 б/м — без указания места издания
 досл. — дословно
 каз. — казахский
 калм. — калмыцкий
 кит. — китайский
 монг. — монгольский
 синьцз.-ойрат. — синьцзян-ойратский
 цз. — цзюань

Литература

- Ахметжан 2015 — *Ахметжан К. С.* Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана: [б. и.], 2015. 102 с.
- БАМРС 2001–2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 тт. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с. Т. 2. М.: Academia, 2001. 514 с. Т. 3. М.: Academia, 2001. 440 с. Т. 4. М.: Academia, 2002. 510 с.
- Банзаров 1955 — *Банзаров Д.* О воинских названиях некоторых старинных русских вооружений // *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 160–167.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Бичурин 2002 — *Бичурин Н. Я.* Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный дом, 2002. 207 с.
- Бобров 2013 — *Бобров Л. А.* Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 3. С. 183–195.
- Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIV в. // *Ragabellum novum: Военно-исторический журнал.* 2 (35). 2014. С. 115–147.
- Бобров, Борисенко, Худяков 2010 — *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: уч. пособ. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов 2007 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Ойратская артиллерия XVII–XVIII вв.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та. 2007. С. 170–247.
- Бобров, Пастухов 2021 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // Былые годы. 2021. № 2. С. 506–526.
- Бобров и др. 2017 — *Бобров Л. А., Зайцев В. П., Орленко С. П., Сальников А. В.* Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х – середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.
- Бобров, Сальников 2018 — *Бобров Л. А., Сальников А. В.* «Черкесские» шлемы и мисюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени // Былые годы. 2018. Т. 47. № 1. С. 5–33.
- Бобров, Худяков 2003 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. Новосибирск: ООО РТФ; НГУ, 2003. С. 66–212.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филолог. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Ван 1937 — *Ван Юнью.* Да цыдянь (= Большой иероглифический словарь). Шанхай: Шанью иньшугуань, 1937. 1650 с.
- Веселовский 1887 — *Веселовский Н. И.* Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэван рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 года. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. 284 с.
- Гедеева 2015 — *Гедеева Д. Б.* Военная лексика в памятниках старокалмыцкой письменности XVII–XIX вв. // Российско-монгольский лингвистический сборник. М.: Канцлер, 2015. С. 153–164.
- Даржа 2013 — *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1. Хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл: ОАО Тываполиграф, 2013. 592 с.

- Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* Названия оружия: от праалтайского к монгольскому // Российско-монгольский лингвистический сборник, М.: Канцлер, 2015. С. 209–254.
- Канси цзыдянь — Канси цзыдянь (= Иероглифический словарь [периода] Канси), б/г, б/м [электронный ресурс] // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/kangxi-zidian> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- КлРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
- Кулинский 1994 — *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. СПб.: ТОО МАГИК-ПРЕСС, ЧАИ ОЛИМП, Редакция Морского исторического сборника, 1994. 184 с.
- Мулаева 2010 — *Мулаева Н. М.* О составе военной лексики в «Калмыцко-русском словаре» 1977 г. издания // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 78–81.
- Непомнин 2005 — *Непомнин О. Е.* История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Очиров 2010 — *Очиров У. Б.* Ойраты Западной Монголии и Северо-Западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 9–15.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Тип. Губернского Правления, 1912. 137 с.
- Пюрбеев 2009 — *Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2009. Ч. 2. С. 283–285.
- Смертельная красота ... 2015 — Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки / авт.-сост.: Е. М. Карлова, А. М. Пастухов, А. Ю. Попов, Е. Н. Успенская. М.: ГМВ, 2015. 368 с.
- Смоленский 1873 — *Смоленский С.* Дело двадцати казаков при мысе Чаграе. 25 июля 1870 года // Военный сборник. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. Т. 93. № 10. С. 231–252.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Хафизова 2013 — *Хафизова К. Ш.* Цинские стратеги о войне с кочевниками // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: ИП BG-print, 2013. С. 120–124.
- ХЛТ 2004 — 皇朝禮器圖式 Хуанчао лици туши (= Образцы ритуальной утвари царствующей династии). Янчжоу: Гуанлин шушэ, 2004. 812 с. (На кит. яз.)
- Худяков 1980 — *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 176 с.
- Челеби 1979 — *Челеби Э.* Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 287 с.
- Чернышев 1990 — *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 136 с.
- ЧГЦДЦ 2002 — Чжунго гудай цию да цыдянь. Бинци, синцзюй (= Большой словарь материальной культуры Китая прошедших эпох. Оружие, орудия наказания). Шицзячжуань: Хэбэй цзяюй чубаньшэ, 2002. 516 с. (На кит. яз.)
- ЦХСТ 1782 — Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи (= Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края с картами), 1782, б/м [электронный ресурс] // Китайский текстовый проект (вики). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5025>; Электронный китайский текстовый проект. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- ЦШГ 1927 — Цин ши гао (清史稿 Черновая история династии Цин), 1927, б/м [электронный ресурс] // Бесплатная библиотека Wikisource. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- Шараева 2012 — *Шараева Т. И.* К вопросу о калмыцких боевых знаменах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 52–56.
- Школяр 1980 — *Школяр С. А.* Китайская до-огнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980. 406 с.
- Armaments and Military 2008 — Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing: б. и., 2008. 264 p.

- History of Civilizations — Dani A. H., Masson V. M. (eds.) History of Civilizations of Central Asia. Vol. V: Development in Contrast: From the Sixteenth to the Mid-Nineteenth Century. UNESCO, 2003. 910 p.
- LaRocca 2006 — *LaRocca D. J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p.

References

- Akhmetzhan K. S. Kazakh Battle Helmets: History, Origins, Traditions. Astana, 2015. 102 p. (In Russ.)
- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008. 264 p. (In Chin. and Eng.)
- Banzarov D. Revisiting names of some old Russian weapons. In: Banzarov D. Collected Works. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. Pp. 160–167. (In Russ.)
- Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Moscow: Orientalia, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. Imperial China: A Statistical Description. Moscow: Vostochnyi Dom, 2002. 207 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. et al. The late Jurchen (early Manchu) helmet of the second half of the 1610s to the mid-1630s from the collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1140–1173. (In Russ.)
- Bobrov L. A. On the origins of cavalry lance fighting of the Russian Cossacks in the second half of the 17th to the first half of the 19th century. *Parabellum novum*. 2014. No. 2 (35). Pp. 115–147. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Spear cut – structural element of long pole weapons of the nations of the Great Steppe and neighboring territories dated to the Late Middle Ages and Early Modern age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3: Archaeology and Ethnography. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Turko-Mongols and Russians in Siberia: Military Intercourse in the Late Middle Ages and Modern Era. Coursebook. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2010. 288 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries AD. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. The evolution of Jurchen and Manchu defensive armor: High and Late Middle Ages, Modern Era. In: Archaeology of Late Medieval South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: RTF, Novosibirsk State University, 2003. Pp. 66–212. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. ‘Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi’ as a source of the information of weapons and military symbols for the population of Central Asia in the middle of the 18th century. *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. No. 2. Pp. 506–526. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Oirat artillery, 17th–18th centuries: origins, construction patterns, and combat use revisited. In: Weaponry and Military Science of Central Asian and Siberian Nomads. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2007. Pp. 170–247. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Salnikov A. V. ‘Circassian’ helmets and misyurkas with plated aventails from the Late Middle Ages and Early Modern Era. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. No. 1. Pp. 5–33. (In Russ.)
- Çelebi E. Book of Travel: Extracted Descriptions of the 17th Century North Caucasus, Volga and Don Regions. Moscow: Nauka, 1979. Vol. 2. 287 p. (In Russ.)
- Chernyshev A. I. Social and National Development of Oirats in the 18th Century. Moscow: Nauka, 1990. 136 p. (In Russ.)
- Dani A. H., Masson V. M. (eds.) History of Civilizations of Central Asia. Vol. V: Development in Contrast: From the Sixteenth to the Mid-Nineteenth Century. UNESCO, 2003. 910 p. (In Eng.)
- Darzha V. K. Traditional Occupations of Tuvan Men. Vol. 1: Livestock Breeding, Hunting, Fishing. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2013. 592 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. Names of weapons: From Proto-Altai to Mongolian. In: Russian-Mongolian Linguistic Collection. Moscow: Kantsler, 2015. Pp. 209–254. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Military vocabulary in 17th–19th century Clear Script texts. In: Russian-Mongolian Linguistic Collection. Moscow: Kantsler, 2015. Pp. 153–164. (In Russ.)
- Imperially Approved Geographical Description of Western Lands Supplemented with Maps.

1782. On: Chinese Text Project. Available at: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5025>; <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Karlova E. M. et al. *Mortal Beauty: Arms and Armour of India and China*. Exhibition catalogue. Moscow: State Museum of Oriental Art, 2015. 368 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. War against nomads: opinions of Qing strategists. In: *Military Science of Medieval and Modern Nomads from Kazakhstan and Bordering Countries*. Astana: BG-Print, 2013. Pp. 120–124. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. *Weaponry of the Yenisei Kyrgyz, 6th–7th Centuries AD*. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p. (In Russ.)
- Kulinsky A. N. *Cold Weapons of Russian Military, Naval, and Civil Officers, 1800–1917*. St. Petersburg: MAGIK-PRESS, OLIMP, Morskoy Istoricheskiy Sbornik, 1994. 184 p. (In Russ.)
- LaRocca D. J. *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Mulaeva N. M. The Kalmyk-Russian Dictionary of 1977: military vocabulary revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 1. Pp. 78–81. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 764 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nepomnin O. E. *History of China: The Qing Era, 17th to Early 20th Centuries*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Oirats of Western Mongolia and Northwest China: ethnic history, demography, and population geography in the mid-to-late 18th century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 2. Pp. 9–15. (In Russ.)
- Prozritelev G. N. *The Military Past of Our Kalmyks*. Stavropol: Stavropol Governorate Office, 1912. 137 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 514 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 4. Moscow: Academia, 2002. 510 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. *Ikh Tsaaz and Khalkha Jirum: military terms in the codes of Oirats and Mongols*. In: *United Kalmykia in United Russia: Through Centuries into the Future*. Jubilee conference proceedings (Elista; September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Vol. 2. Pp. 283–285. (In Russ.)
- Qing History Manuscript. 1927. On: Wikisource. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Ritual Implements of the Ruling Dynasty. Yangzhou: Guang ling shu she, 2004. 812 p. (In Chin.)
- Sanchirov V. P. (comp.) *17th–18th Century Written Sources in Oirat History*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Kalmyk military colors revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 2. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Shkolyar S. A. *Pre-Gunpowder Artillery of China*. Moscow: Nauka, 1980. 406 p. (In Russ.)
- Smolensky S. The case of twenty Cossacks at Cape Chogray, 25 July 1870. *Voennyyi sbornik*. 1873. Vol. 93. No. 10. Pp. 231–252. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. *Khan Ayuka and His Era*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- The Kangxi Dictionary. On: Chinese Text Project. Available at: <https://ctext.org/kangxi-zidian> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Todaeva B. Kh. *Dictionary of Xinjiang Oirat*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir. and Russ.)
- Unabridged Dictionary of China's Material Culture from Past Eras. Weapons and Instruments of Punishment*. Shijiazhuang: Hebei Educational Press, 2002. 516 p. (In Chin.)
- Veselovsky N. I. *Artillery Captain Ivan Unkovsky's Embassy to the Dzungar Hong Tayiji Tsewang Rabtan: A Description Supplemented with the Former's Travel Diary, 1722–1724*. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1887. 284 p. (In Russ.)
- Wang Yung-yu. *Comprehensive Hieroglyphic Dictionary*. Shanghai: Shang wu yin shu guan, 1937. 1650 p. (In Chin.)

